

После почти целой недели, проведенной в маленькой больнице, Аксель начал понемногу сходить с ума. Конечно, визиты Кичиру помогали развеять скуку, заставляя его поднимать свое знание языка с нулевого уровня на уровень «черт возьми, это требует столько усилий, чтобы понять тебя» без особых проблем. Но практиковаться в незнакомом языке не... Он не мог сказать, что это было очень весело в данный момент. Это интересно. Это был хороший вызов. Сами разговоры всегда были увлекательными, как будто разговариваешь с давними друзьями.

Но это было утомительно.

По крайней мере, оба его постоянных посетителей наконец-то правильно произносили его имя.

Однако его собственное произношение их имен... оставляло желать лучшего. Оно было настолько правильным, насколько позволял его акцент. Тем не менее, он все еще практиковался, поскольку, если они собирались приложить усилия, чтобы узнать его имя, то он, черт возьми, обязательно оплатит тем же. Тем более, что они также были терпеливы к его все еще развивающимся навыкам японского языка. Ни врач, ни подросток не знали ни немецкого, ни, что более удивительно, английского (что, по общему признанию, показалось ему немного странным, но все же) поэтому вместо этого они взяли на себя обязательство научить его больше своему языку. У Акселя не было особой надежды на то, что его понимание улучшилось, но это была мысль, которая имела значение.

Буквально вчера Кичиро приходил чтобы поговорить о «крадущихся камнях и листьях» или о чем-то подобном, так что он явно не добился больших успехов во взаимопонимании на этом фронте. Если только это не одна из тех бесполезно загадочных восточных поговорок, в таком случае... да, это было бесполезно.

Так что да. Ему все еще было скучно, он был сбит с толку и потерял немного больше, чем одежду в своем рюкзаке.

Старая одежда была разорвана тем, что видимо его ударило из-за чего он тут и оказался. Его мобильный телефон стал еще одной жертвой загадочной аварии, очевидно, не связанной с грузовиком, поскольку он был засунут в его карман. Экран треснул и выпал из изогнутого корпуса. Совершенно непригодный для использования, но он подумал, что сможет спасти карту памяти. Было приятным сюрпризом, хотя и несколько необъяснимым, обнаружить, что его рюкзак уцелел и был практически невредимым.

Это означало, что, по крайней мере, у него было кое-что, что он мог сделать, кроме практики японского: провести инвентаризацию того, что у него было. В рюкзаке была сменная одежда, его любимая серая пухлая куртка, его ноутбук и зарядное устройство от солнечной батареи, наушники, кубик Рубика, который он так и не удосужился достать, его бумажник, электронная книга и множество зарядных шнуров: в общем, что он всегда упаковывал вещи в ручную кладь на случай, если авиакомпания потеряет его багаж. (В данном случае, однако, это больше походило на то, что наоборот, он потерял авиакомпанию.) Он был вполне уверен, что где-то там было несколько ручек. Все устройства были мертвы на данный момент, включая солнечное зарядное устройство, поэтому он не мог ничего с ними сделать в данный момент, но было приятно знать, что они не разобраны.

Он рассеянно возился с кубиком Рубика. Адри подарила ему это почти два года назад в качестве подарка на выпускной, требуя, чтобы он собрал ее, потому что он был занудой, а она никогда не могла понять в чем радость игры с «грязным цветным кубом». Довольно честно, как она это назвала. С тех пор, как он в основном оставался в его рюкзаке. Со вздохом он повернул несколько сторон, выровняв все, а затем шумно перетасовал. Аксель очень надеялся, что его

сестра не сходит с ума из-за того, что он еще не вернулся в Мюнхен.

Вернее, чтобы она не была бы слишком напугана. Волнение, вероятно, не подлежало обсуждению.

Это просто не имело никакого смысла. Он должен вернуться в Мюнхен. И все же, очевидно, этого не случилось. В последний раз как он помнил, люди в Германии говорили по-немецки... или, по крайней мере, по-английски. Часто на обоих.

Не было такого чтобы на обоих не могли говорить, в отличие от местных.

С тихим ворчанием, которое подозрительно походило на ругательства (не меньше, чем на трех языках), Аксель не торопился расставлять сегменты кубика-рубика по порядку. Честно говоря, языковой барьер был самой неприятной частью всего этого запутанного фиаско. Он никогда не мог быть уверен, понимает ли он их или его понимают, и, по сути, это был единственный факт, в котором он был уверен в последнее время.

Прошло еще несколько минут бессмысленного возни с головоломкой, прежде чем тихий стук в дверь известил его о том, что к нему пришел посетитель. Врач и подросток (кто бы еще это мог быть на самом деле) вошли, не дожидаясь ответа. Кичиро, видимо, чем-то очень взволнованный, уже говорил еще до того, как дверь полностью открылась, и у Акселя не было времени мысленно переключить язык.

— Эй, чувак. Угадайте, с чем мы разобрались? — Кичиро опустил на единственный свободный стул в комнате, выглядя чрезвычайно довольным чем-то.

Доктор Кимура (или, как бы это ни звучало по-японски, он, вероятно, должен понять это, но у него всегда были проблемы с вежливостью) встал в стороне с легкой улыбкой и на мгновение проигнорировал младшего мальчика, чтобы спросить: «Как вы себя чувствуете?» сегодня, Брандт-сан?

Пара их разговоров в такой быстрой последовательности не способствовала способности Акселя понимать.

— Да. — разумно выдавливает он.

Кичиро закатывает глаза, привыкнув к разговорным навыкам Акселя, или, что более важно, к их нынешнему отсутствию. — Он в порядке, Кимура-сенсей. Давайте перейдем к хорошей новости!

Аксель про себя, с опозданием на несколько дней, заметил, что «-сенсей» — это то, что нужно поставить в конце имени доктора. По крайней мере, так заканчиваются имена учителей и врачей. Он, наверное, помнит это.

— Я не понимаю, почему, учитывая ваше рвение, вы еще не взялись за дело. — Доктор подошел ближе и окинул своего пациента беглым взглядом, легонько положив руку на гипс Акселя и продолжив после некоторого размышления. — Хотя я предпочел бы держать вас под наблюдением, пока не пройдет то, что исказило ваши языковые способности, к сожалению, моя клиника просто недостаточно велика, чтобы сдать комнату здоровому в остальном человеку.

Аксель почти ничего из этого не уловил.

— Итак, поскольку ты не можешь оставаться здесь, — вмешался Кичиро в разговор, — я полагаю, ты можешь использовать свободную комнату, которая есть у нас дома!

Эмм... Что?

— Я... Чт... Что? — Аксель заикался, сумев сообразить большую часть происходящего. — Я не могу... это слишком!

Подросток рассмеялся, откинувшись на спинку стула с широкой улыбкой на лице. — Ну, жаль, чувак! Кроме того, я уверен, что мой папа будет в порядке.

— Подожди... Dein... твой Va... — Ему пришлось остановить себя, ему нужно было собраться с лингвистическим сообразительностью, прежде чем попытаться снова. — Твой отец не согласен?

— Еще не спрашивал, — ответил Кичиро, пожав плечами. — Но я уверен, что он найдет, чем тебе помочь в магазине, может быть, даже в кузнице, так что ему не на что жаловаться!

Аксель долго смотрел на него, прежде чем повернуться к доктору Ким-, вернее, в замешательстве повернуться к Кимуре-сенсею. Это правда, что он мог бы хоть немного помочь с кузнечным делом (ему нравилось думать, что он чертовски хорош в этом, после всех вещей, которые он сделал или продал в своем университетском клубе), но весь этот план продвигался очень быстро, и почти без всякого участия с его стороны, и, если честно... он немного растерялся.

Пожав плечами с отчетливым выражением «это твоя проблема, а не моя», доктор заметил: — Тебе некуда больше идти, я прав?

— Да, но-

— Тогда решено.

Рухнув на подушку, Аксель почувствовал, что вообще не контролирует свою жизнь. Между напористыми туристами с рейса, где он мог выстояться, а мог и не выстоять, и полной загадкой, как он снова оказался в Японии, а теперь все это... возможно, чувство было оправданным.

Однако, несмотря на то, что он, по-видимому, не собирался иметь никакого реального права голоса в вопросе проживания, Акселю удалось получить обещание от Кичиро привести его отца, чтобы они могли хотя бы встретиться лично, прежде чем его заставят жить в том самом здании.

Конечно, он не ожидал, что указанная встреча произойдет в тот же день. Очевидно, подростку не терпелось реализовать этот план.

Само представление было немного странным: Кичиро убедился, что все знают имена всех остальных, только для того, чтобы все просто постояли в неловком молчании в течение минуты. Очевидно, кузнец был немногословен, а у Акселя, конечно, просто не было много слов с самого начала. Поэтому все просто смотрят друг на друга.

Моримото Хироши — настоящее имя Хироши с Моримото в качестве фамилии: Акселю приходилось напоминать себе, что каждый раз, когда всплывало имя, — это был крупный, мускулистый мужчина, который по понятным причинам имел довольно много общего со своим

сыном в смысле внешности. У обоих был одинаковый цвет и даже похожая прическа, хотя у отца волосы были немного длиннее и собраны в свободный хвост.

— Вот, теперь вы познакомились! — Кичиро, настроенный почти неловко (но искренне) оптимистично, подтолкнул своего отца, пытаясь заставить его говорить.

Он этого не делал, просто молча наблюдал за всеми.

Светская беседа, познакомьтесь с наименее способным человеком в этом разговоре.

— So zuerst... — Фантастическое начало, даже не на правильном языке. Аксель нахмурился и кашлянул, как будто это могло временно стереть немецкий язык с его языка. Это не длилось даже одной фразы. — Я не очень хорошо говорю на... э-э, — и, задумавшись, закончил, — ...japanisch. Offensichtlich.

Моримото (а Аксель знал, что ему следует придерживаться почтительного обращения, но сейчас достаточно будет просто назвать фамилию) не выглядел очень удивленным этой избитой фразой. Тем не менее, он бросил на сына понимающий взгляд, как будто только что установил связь с чем-то, о чем упоминал ранее. — Да, так мне и сказали.

— Я мог сказать или не сказать, что ты говоришь как сумасшедший. — добавил подросток, звуча совершенно беззаботно.

Поняв суть, если не точную формулировку, Аксель излил столько сарказма, сколько смог вместить в незнакомый язык, и невозмутимо ответил: — Спасибо.

Кузнец фыркнул, явно находя их общение забавным, и на его обычно суровом лице появилась улыбка. Решительно кивнув, он заявил: — Знаешь что? ~ Мне нравится этот парень. Если ему действительно нужно место для ночлега, он может снять нашу комнату для гостей.

И видимо, это было решено официально.

=X=X=X=

В кузнице, как и всегда, было жарко и в печи плясал огонь. Угольная пыль плыла по воздуху и смешивалась с песком и грязью на полу. Инструменты висели на крючках над рабочим столом, они потемнели и были изношены от долгого использования. Одинокaя пара сломанных щипцов лежала в стороне, где и лежала уже несколько дней, ожидая, пока кто-нибудь наконец найдет время, чтобы починить их.

Кичиро рассеянно наблюдал, как его отец маневрирует раскаленным металлом, действуя осторожно и плавно, с уверенностью выработанной долгой практикой. Сделав глубокий вздох он погрузил сталь в чан с маслом. Вспышка пламени вспыхнула оранжевым и золотым. Металл, погасший и затвердевший, был вытащен из ванны наконец приняв вид недоделанного кухонного ножа. Он внимательно проверял его на предмет деформации.

— Убедитесь, что он держится вертикально. — Это был совет, который папа повторял, наверное, тысячу раз, каждый раз, когда проходил через процесс. Еще один не помешал бы. — Иначе придется перековывать. Пузыри вокруг металла могут повредить форму.

Напевая что-то в знак признательности, Кичиро обратил внимание на клубок нитей в своих руках. Он должен был сплести их в шнур, чтобы обернуть рукоять, но, честно говоря, это получалось не очень хорошо. Его разум просто не мог остановиться на поставленной задаче.

Развязав впечатляющий узел, который он непреднамеренно завязал, подросток снова попытался сосредоточиться.

Но все же его мысли дрейфовали. Спрашивали. Интересовались, не обидится ли он. Оба из них, на самом деле.

Положив нож под несколько горячих углей (в течение следующего часа или около того жар еще больше закалит его) его отец с удовлетворенным кивком отошел от работы.

Кичиро решил, что ожидание никому не поможет. — Эм, так вот... Папа, я бы, ну...

Конечно, ожидание никому не поможет, но он не мог подобрать нужных слов.

Папа повернулся, подождал. Он знал, как его сын иногда спотыкался на предложениях, начав их, не представляя, куда двигаться дальше.

— Он такой... одинокий? Э-э, ну, не то чтобы я знаю... — он бессвязно бормотал, жестикулируя чуть ли не дико. Нити веревки, которую он должен был плести, были похожи на вымпелы в его энергичной, хотя и несфокусированной тираде.

— Кичиро. — Отец положил твердую руку на плечо сына, мягко, но твердо прервав цепочку беспорядочных слов. — Что случилось?"

Глубоко вздохнув и переориентировавшись, Кичиро спросил: — Мы можем оставить Акселя-сана?

— ...Что?

— Я имею в виду, что у меня никогда не было брата, и, думаю, технически я знаю его всего около недели... — Засыпая, Кичиро понадобилось еще мгновение, чтобы подобрать нужные слова. — Но он подходит.

Его отец задумчиво нахмурился, вероятно, вспоминая свои пока еще очень короткие взаимодействия с другим мужчиной. В манерах Акселя было так много всего, даже помимо акцента и незнакомых слов, что выделяло его среди других, и все же говорить с ним было легко.

— Полагаю, да. — согласился отец после проверки.

Обрадовавшись подтверждению того, что он не просто воображал, Кичиро выпалил: — Отлично! И он знает кузнечное дело. С тем же успехом можно было бы уже стать частью семьи! — Затем, бросив энергичную точку между ними двумя, он чуть не швырнул свой наполовину сплетенный шнур через всю комнату. Он забыл, что все еще держит его.

Пока сын возился со спутанными нитями, на лице его отца внезапно появилось коварное выражение. — Вы случайно не спросили, откуда он? Где он живет? Насколько я понимаю, у него не так много вещей с собой.

Отложив свою работу, прежде чем он мог случайно бросить ее в печь, Кичиро пожал плечами. — Да, просто куча вещей, в которых Кимура-сенсей не мог разобраться. Однако он упомянул что-то о возвращении домой. Где-то... кажется, он назвал это «Токио»?

— Токио. — Папа явно никогда не слышал ни о каком городе или деревне с таким названием,

уж точно нигде поблизости. Однако, перебирая это слово в уме, он, кажется, что-то задумал. — Возможно, он имел в виду «то» (восток) и «кио» (столица), а не само по себе название города».

— И как это нам поможет? У нас нет столицы к востоку от... — Мелькнула мысль, и Кичиро задумался: — Ну, кроме, может быть, Конохи. Это что-то вроде столицы, верно?

Они жили в Конохе когда-то, много лет назад. В то время он был младенцем, так что вряд ли он что-то помнил, но отец сказал ему, что у них там была небольшая семейная кузница. Тогда хорошо. Они были на войне. Нападение на деревню оставило их дом в одном из немногих уцелевших в этом районе, а бизнеса на заброшенной улице было недостаточно, чтобы прокормить то, что осталось от их семьи.

— Возможно, если он из Конохи... — Хотя папа не закончил мысль, Кичиро все еще мог сказать, что где-то в этом фрагменте предложения есть зачатки плана.

С подозрением сузив глаза, Кичиро спросил: — Что ты задумал?

— Это нужно узнать, — ответил папа таким серьезным тоном, что было ясно, что он шутит. Он пожал плечами, не обращая внимания на свои замыслы. — Сначала посмотрим, нужно ли ему это.

На мгновение подросток подумал, что нужно настаивать на ответах, но, зная папу, он, вероятно, просто продолжит получать туманные ответы. — Я спрошу его в следующий раз, когда это произойдет.

— И даже если он этого не сделает, может быть, я все же сделаю предложение. — Улыбка, а затем его отец просто пожал плечами и вернулся к кузнице, добавив расплывчато: — Кто знает?

Когда разговор погрузился в тишину, Кичиро снова поднял недовязанный шнур, распутал то, что осталось от узла, и сплел еще несколько нитей. Еще несколько минут спокойной работы, и он сделал паузу. Оглянулся, почувствовав неожиданное беспокойство.

— А... ты думаешь, он не будет возражать, если я назову его «Аксель-нии»?

— Лучше бы он этого не делал. — заметил папа, пожав плечами. — Я ожидаю, что моя семья, в конце концов, поладит.

=X=X=X=

Семья помогает семье, даже если эта семья еще даже не осознала, что они претендовали ими быть.

Вот почему в течение следующих полутора недель Моримото Хироши присоединился к нам в качестве еще одного постоянного посетителя клиники. По общему признанию, вначале это было в основном любопытство и нытье его сына, чтобы заглянуть к нему в качестве нового собеседника для этого, все еще учащегося блондина... но он быстро обнаружил, что искренне наслаждается своими визитами.

С Акселем, несмотря на то, что он спотыкался в предложениях, было весело разговаривать. С ним легко общаться, даже несмотря на технические трудности.

Конечно, с языковой проблемой рано или поздно разберутся, и весь клан Моримото (из двух

человек) заставит его практиковаться в речи всякий раз, когда они заходят. Хироши, в силу того, что он не был его сыном, а значит, не сумасшедшим подростком с тенденцией к резкой смене темы, определенно был более эффективным учителем, чем Кичиро.

Текущей темой их импровизированных уроков было письмо, особенно хирагана (на данный момент), и Хироши прорабатывал их посимвольно. Аксель мог достаточно хорошо читать — во всяком случае, немного лучше, чем говорить, — но писать — другое дело. Кимура был первым, кто заметил, что лингвистические проблемы его пациента распространились и на письменное слово, спросив, как пишется имя блондина, и получил... неясные результаты. Вот он, Аксель, старательно пытающийся точно скопировать хирагану, написанную для него от Хироши.

Очень старательно.

Они занимались этим уже три часа.

Для удобства Акселя поставили небольшой стол в углу палаты клиники, учитывая, что он не очень хорошо владел костылями, которые ему дали. Они сидели друг напротив друга, стол между ними был заполнен листами бумаги, некоторые из которых были с примерами хираганы, предоставленными Хироши, и гораздо больше было исписано попытками Акселя воспроизвести их.

Хироши не мог не улыбнуться, когда заметил несколько страниц, на которых вместо работы были рисунки. Прежде чем они закончили этот марафон по практике хираганы, Аксель использовал рисунок, чтобы заполнить пробелы, когда они говорили о разных вещах (но в основном о кузнечном деле, предмете, которым они оба были увлечены). Блондин на самом деле неплохо разбирался в диаграммах от руки, но люди? — не очень.

Прямо сейчас Аксель просто смотрел на свою последнюю попытку сделать букву «му», выглядя довольно недовольным. Все его последние три попытки выглядели удивительно похожими и неизменно ошибочными. Устав от отсутствия значительного прогресса, он оттолкнул бумагу, случайно задев стол и чуть не опрокинув костыли.

Пока Аксель пытался удержать свои раскачивающиеся костыли, Хироши схватил тренировочный лист, прежде чем тот успел проскользнуть мимо него. Просматривая последние каракули, он заметил: —Становится лучше.

—...Легко быть лучше, чем полный ноль. — ответил Аксель.

Хироши покачал головой, немного раздраженный таким самоуничижительным тоном. — Вы недооцениваете себя.

Его протест был проигнорирован, поскольку Аксель начал размышлять про себя, хотя, на удивление, он не впал в ту странную бессвязность, как он обычно делает, думая вслух. — Что мне нужно, так это бумага с... хм. — Блондин сделал паузу таким образом, что это означало, что он подыскивал нужное слово и ничего не нашел. Подумав, он придумал — Квадраты.

Мгновение спустя и Акселя, казалось, осенило. Прозрение, которое, по-видимому, он должен был понять раньше, раз он хлопнул себя ладонью по лбу.

— Kariertes Papier.

Хироши весело фыркнул: раздалась бессмысленно резкие звуки, которых он ожидал.

Схватив чистый лист, Аксель начал рисовать ряды тщательно ровных тонких линий. Затем он нарисовал еще один набор, который пересекал первый, образуя сетку из почти идеальных квадратов. Затем он перетасовал бумаги, которые написал Хироши, и, наконец, выбрал ту, в которой была особенно крупная хирагана. Он боксировал в одном из них, нарисовав еще одну сетку поверх персонажа. Положив две бумаги рядом друг с другом, Аксель переводил взгляд с одного листа на другой, медленно копируя символ. Помня о интервалах для каждого штриха, благодаря линиям его законченный персонаж выглядел гораздо больше, чем оригинал, чем его предыдущие попытки.

— Prima! — Судя по его тону, это явно было какое-то радостное приветствие.

Но Аксель еще не закончил. Он установил другую, меньшую сетку, в которой было меньше линий. Снова рисуя ту же букву с меньшим количеством вспомогательных направляющих пометок, затем в третий раз, затем в четвертый, и каждый раз он использовал менее детализированную сетку. В конце концов он полностью отказался от сетки и все еще мог рисовать персонажа.

По крайней мере, в теории.

Хироши смотрел с легкой улыбкой.

Кузнец многое повидал в своей жизни, будучи вынужденным повзрослеть во время одной войны шиноби, выжив, только чтобы затем так много потерять в другой. Метод блондина мог быть новым, но прямо сейчас, тихо сидя с Акселем, он вспомнил о тех прошедших годах: вспомнил о собственном отце, обучающем его, и о том, как он помогал обучать младшего брата. Старая пустота в его сердце сжалась, стянутая неожиданным воспоминанием.

Как заметил его сын: какой бы неожиданной ни была их встреча, он им подходит.

Однако меланхолия, в которую впал Хироши, длилась недолго, когда Аксель положил голову на руки и побежденный, просто уставился на свою бумагу. Его первая попытка без сетки была далеко не такой успешной; линии были довольно неустойчивыми.

— Sehr schnörkelig. — пробормотал он с оттенком раздражения.

Одно тихое моргание, потом два, а затем Хироши не смог сдержать смех.

Да, убеждал он себя. Это был человек, которого он не прочь назвать «семьей».

=X=X=X=

После того, как с него наконец сняли гипс (что произошло гораздо раньше, чем он действительно ожидал), Аксель провел в клинике всего несколько дней, прежде чем, наконец, был выписан с полным выздоровлением. Он собрал то немного, что было с собой, в свой рюкзак, Кичиро и его отец встретили его снаружи, и вместе они пошли через причудливую деревню к своему дому.

— Это бакалейщики. — сказал Кичиро, указывая на откровенно очаровательную витрину с несколькими витринами с фруктами и овощами, установленными перед входом. Молодая женщина, работающая там, помахала им радостной рукой, когда заметила их. — Им управляют семья Сасаки. Они довольно крутые, и обычно делают папе хорошую скидку, потому что он иногда помогает им что-то чинить.

Аксель уделял подростку лишь то достаточное внимания, чтобы в целом следить за тем, что он говорил; он был слишком отвлечен пейзажем. На улице было бодро, весна только-только взошла, но солнце, висевшее в голубом небе над головой, изо всех сил старались поднять температуру. Дорога была плотно утоптана в грязи — пыльной, но не такой уж плохой, — и у всех зданий были бледные стены с довольно яркими крышами. Казалось, что здесь была только одна главная улица с несколькими небольшими ответвлениями, но город не был прямолинейным; то есть здания, казалось, использовали дорогу только как очень приблизительный ориентир.

Что-то в архитектуре показалось ему знакомым, как будто он уже видел его фотографии раньше, но Аксель не мог понять, что еще напомнило ему это место.

Большие — вау, иногда очень большие — деревья ветвились над крышами и спускались вниз в конце любого поворота, который не заканчивался зданием, так что деревня должна была находиться в густом лесу. С огромными деревьями. У него не было времени посетить японскую сельскую местность во время своей командировки — большую часть времени он работал в Токио, хотя перед отъездом побывал в других крупных городах (хотя, по-видимому, на самом деле он не уехал) — но он действительно не ожидал, что это будет выглядеть так. В любом случае, это не очень похоже на то, как Studio Ghibli изображала это в фильмах. С другой стороны, возможно, аниме не было лучшим источником, на котором можно было бы основывать его ожидания.

Теперь, когда он подумал об этом, да. Вероятно.

Его наблюдения были прерваны, когда он был вынужден быстро отступить назад, чуть не потеряв равновесие из-за своего тяжелого рюкзака, когда группа детей выбежала из-за угла улицы. Они кричали и бросали друг в друга маленькие деревянные ножи, притворяясь ниндзя, когда они убегали и откатывались от атак. Он заметил, что они даже нарисовали символы на полосках ткани, повязанных вокруг лба.

— О, von Naruto. — понял он, ему понадобилось время, чтобы распознать спиральный рисунок листа из аниме, которое его сестра недавно заставила его начать смотреть. — Большинство детей здесь... — и снова у него вырвалось слово. — ...Им нравится шоу?

— Что ты сказал? — Кичиро окликнул его дальше по улице. Он ждал возле одного из более низких зданий, заметно построенных с большим расстоянием между ним и его соседями: возможно, из-за пожарной безопасности. Поскольку Моримото отпирал дверь, можно было с уверенностью предположить, что это был их дом.

Аксель пожал плечами, ему было лень повторять вопрос. — Да ничего.

Замок открылся с плавным щелчком, когда он догнал их, и кузнец открыл дверь, чтобы впустить сына и нового гостя внутрь. Как это типично для японских домов, в прихожей была небольшая полка для обуви, которую можно было поменять на тапочки. Кичиро уже прыгал на одной ноге, пытаясь снять одну из своих сандалий.

— Давай, Аксель-нии! Не могу дождаться, чтобы показать вам мастерскую!

Это была одна из самых частых тем, возникающих во время их больничных бесед: мастерская, кузнечное дело и ремесло в целом. Хотя у него могли возникнуть трудности после чрезмерно взволнованного диалога Кичиро, Аксель достаточно знал о предмете и обычно мог понять его из контекста. По крайней мере, он мог, пока подросток не торопился говорить достаточно медленно, чтобы он мог различать слова.

— Ты останешься в старой спальне моего брата, хотя ею давно не пользовались. — Моримото указал на открытую дверь в конце коридора. — Возможно, немного пыльно, хотя мы пытались его убрать. О, и мой мальчик сделал ставку на то, чтобы показать это место, так что он, вероятно, собирается бросить работу, чтобы устроить вам экскурсию, как только вы оставите свои вещи.

Откуда-то из дома донесся приглушенный звук, который казался подтверждением, и кузнец кивнул сам себе.

— Я... Большое вам спасибо. — выдавил Аксель, неловко поклонившись, не совсем понимая, что будет уместно.

— Не благодарите меня пока. Я, вероятно, заставлю вас помогать в магазине. — Он ухмыльнулся, и что-то в его выражении заставило Акселя подумать, что старший что-то замышляет. — В любом случае, чувствуйте себя как дома! Я буду рядом, если понадобится.

Моримото вышел через одну из других дверей, предоставив Акселю скользить по коридору: у них еще не было пары запасных домашних тапочек, а носки и полированный деревянный пол создают очень неустойчивую походку. Достаточно сказать, что он был рад, что двери были западного образца, поскольку, если бы это были раздвижные двери, он не смог бы ухватиться за дверные ручки, когда почувствовал, что шаг плохо приземляется.

В комнате в конце коридора — его комнате, по крайней мере, до тех пор, пока он не придумает, как вернуться в Токио и на этот раз по-настоящему сесть на самолет домой, — были кровать, небольшой письменный стол и шкаф. Оглядевшись, он был немного раздражен, заметив, что у них нет розеток. С другой стороны, тот, что он заметил в клинике, не был похож на его вилку (у него был переходник, но, видимо, этот сельский город просто обязан был быть уникальным). Однако на самом деле это не имело большого значения, так как в комнате действительно было окно, и сквозь него просачивалось достаточное количество солнечного света.

Он распаковал свой рюкзак, разложив большую часть своих вещей на матрасе, но уже установив маленькое солнечное зарядное устройство в прямоугольном солнечном свете на столе. Решив оставить свой ноутбук на столе, Аксель убрал и другую электронику. Был также пакет бумаг — заметки с уроков письма, а также несколько пустых для практики. Он со вздохом положил их рядом с ноутбуком. Хотя это правда, что он стал намного лучше писать, он все еще был не очень... здоров.

Одно было несомненно: Аксель никогда не был так благодарен за относительную простоту алфавита.

Свою куртку и единственную смену одежды он спрятал в шкаф, так как, вероятно, останется здесь на несколько дней. Хотя Кимура-сенсей (тот самый почетный знак, который он мог запомнить) позволил ему покинуть клинику, этот человек ясно дал понять, что пока не хочет, чтобы Аксель путешествовал по стране.

Так что да, у него было несколько дней. Может быть, даже целую неделю. Кроме того, ему все еще нужно было выяснить, как он вообще попал в Токио.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/83135/2676475>